

И.И. ЧЕСНОКОВ
(Волгоград)

ДИСКУРСИВНАЯ ТАКТИКА ПОРУГАНИЯ: КОСВЕННЫЕ ФОРМЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ

Описывается тактика поругания как структурная составляющая виндиктивного дискурса. Получают освещение косвенные формы объективации названной тактики, позволяющие субъекту речи наносить адресату-агрессору моральный ущерб при формальном соблюдении этических (а в отдельных случаях – и юридических) норм общения.

Ключевые слова: *виндиктивный дискурс, тактика поругания, косвенные формы объективации, пейоратив, мелиоратив.*

Тактика поругания (как и другие структурные составляющие виндиктивного дискурса (далее – ВД) – тактики угрозы, изгнания и злопожелания) реализуется в прямых и косвенно-производных формах [9]. Все прямые формы объективации изучаемой тактики можно свести к таким высказываемым субъектом речи предложениям, в которых 1) посредством пейоративов и обсценной лексики выражается оценочная нефактуальная квалификация адресата-агрессора; 2) посредством предписываемых ему аморальных или противоправных действий – фактуальная квалификация; 3) при помощи устойчивых конструкций типа *плевал я на тебя, черт тебя носит* и др. эксплицируется негативное эмоциональное отношение к его намерениям или действиям. Кроме этих к прямым формам представления изучаемой тактики мы относим также имплицитные угрозы резкие (не выражающие конкретно-коммуникативных смыслов изгнания и злопожелания) директивы, в том числе и персональные запреты [10].

Иерархически организованное сообщество, как известно, налагает запреты на проявление индивидом агрессии как в предметно-практической, так и знаковой (в том числе и вербальной) деятельности, что заставляет фрустрированную языковую личность обращаться к поиску нетрадиционных (косвенных) форм

объективации тактик ВД, которые позволяли бы ей реализовывать соответствующие данным тактикам стратегии при формальном соблюдении этических (а в отдельных случаях – и юридических) норм социального взаимодействия. Косвенные формы объективации тактики поругания включают в себя широкий круг высказываемых субъектом речи предложений, нацеленных на причинение адресату-агрессору морального ущерба и формальное соблюдение вышеназванных норм.

Полагаем, что прямое поругание превращается в косвенное, если субъект речи вместо выражающих посредством пейоративов нефактуальную оценочную квалификацию лица утвердительных предложений использует аналогичные по своей семантике вопросительные предложения (ср.: *Ты – дурак и Ты дурак?*, *Ты – свинья* и *Не свинья ли ты?* и др.). Думается, что косвенным поруганием является и оценочная нефактуальная квалификация лица, которая выносится на основании совершенных (или совершаемых) им действий, но представляется не прямым предписыванием ему пейоративных имен (*ты – дурак / трус* и т.д.), а посредством сравнительной конструкции (*ты вел (ведешь) себя как дурак / трус* и т.д.) или речевых структур с обобщающим значением (*так ведут себя дураки / трусы* и т.д.; *все дураки / трусы* и т.д. *так поступают* и др.).

Косвенное поругание реципиента может обеспечиваться также присвоением ему нейтральных в оценочном отношении имен или даже мелиоративов, которые в наличной конфликтной ситуации общения оказываются способными выполнять инвективную функцию. Среди нейтральных слов, которые субъект речи использует в качестве инвектив, немало таких, которые являются наименованиями лица по профессии, принадлежности к определенной социальной группе, политической партии или движению (*ветеринар, колхозник, большевик, демократ* и др.). Вот лишь некоторые примеры, в которых слова данной категории приобретают пейоративную окраску и превращаются в инвективы:

1) *Вот тут-то темперамент отца и проявился в полную силу. Он ухватил врача за ворот и легко оторвал от пола. Пижонские «На-*

gelschuhe» врача заскребли носками хорошо начищенный паркет, а пижонские очки съехали на нос.

– Если ты, ветеринар, еще раз позволишь себе смотреть на мою жену таким сальным взглядом, я тебя раздавлю (В. Платова. Хрустальная ловушка);

2) *Но договориться было уже нельзя. Все накипевшее в Рощине за последние месяцы взорвалось бешеной ненавистью. Он стоял в дверях, вытянув шею, и глядел на Катю, показывая зубы.*

– Ненавижу, – прошипел. – К черту!.. С вашей любовью... Найдите себе жида... Большевичка... К черту!.. (А. Толстой. Хождение по мукам).

Нейтральные наименования лица по принадлежности к той или иной социальной группе, политической партии или движению, используемые в качестве инвектив, иногда называют ярлыками, которые маркируют социокультурные различия и проявления нетерпимости к иному [1].

Использование субъектом речи мелиоративов в качестве средств косвенного поругания всегда связано с его ироничным отношением к реципиенту. Лежащий в основе инвективных иронических номинаций механизм антифразиса – симпатия, восхищение на поверхностном уровне и поругание на глубинном уровне [2, с. 46] – обуславливает их широкое распространение как в быденном, так и в институциональном общении.

1) *Ну, герой, рассказывай, как тебя мальчишка вокруг пальца обвел* (записи живой речи, далее – ЗЖР).

2) *Доблестные грузинские войска, отступая, побросали всю заграничную военную технику* (ОРТ. «Однако». 2008. 24 авг.).

Косвенное поругание может быть выражено и посредством использования субъектом ВД имени собственного своего оппонента во множественном числе в качестве нарицательного: *Но если Марк Твен просто высмеивал тогдашние политические нравы Америки, то господа карауловы, брилевы, сванидзе и им подобные лгут сознательно и безнаказанно* (Сов. Россия. 2003. 2 дек.).

Функционально-семантическим центром таких форм представления единичного как недискретного множества, по мнению А.Б. Пеньковского, следует считать генерализующее обобщение, которое становится основой для пейоративного отчуждения [5, с. 57]. Сущность последнего, как считает названный автор, «состоит в том, что говорящий, отрица-

тельно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и / или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя его как элемент другой, чуждой ему и враждебной ему (объективно или субъективно – в силу собственной враждебности) культуры, другого – чуждого – мира» [Там же]. Объяснение внутреннего механизма этой операции и особенностей ее языкового выражения находится в специфике структуры образов своего и чуждого мира. «“Свой” мир – это мир уникальных, индивидуальных, определенных в своей конкретности и известных в своей определенности для субъекта сознания и речи дискретных объектов, называемых собственными именами. “Свой” мир – это мир собственных имен. В нем и нарицательные имена ведут себя как собственные. “Свой” мир – это мир форм единственного числа со значением единичности. Формы множественного числа – там, где они необходимы, – используются в значении неоднородного множества. <...> “Чужой” мир – это мир, в котором нет дискретных объектов, и потому он воспринимается нерасчлененно – как речь на чужом языке. <...>... это мир форм множественного числа со значением однородного множества и мир нарицательных имен, в котором и собственные имена функционируют как нарицательные» [Там же, с. 57 – 59]. С учетом вышеизложенного использование субъектом ВД имени собственного своего оппонента во множественном числе можно рассматривать как прием выражения негативной эмоциональной оценки его референта через причисление последнего к чуждому (враждебному) миру.

Косвенное поругание может быть выражено и при помощи местоимений (*всякий, каждый, разный, какой-нибудь, этот*), частиц (*там, тоже*) и других языковых единиц.

Местоимения *всякий, каждый, разный* и *какой-нибудь* в значении «неважный, не заслуживающий внимания» употребляются говорящим для дискредитации отличительных признаков определенного, известного ему объекта и как средства выражения «обезразличивающего обобщения» (*всякий, каждый, разный*) и, соответственно, «обезразличивающей неопределенности» (*какой-нибудь*) приобретают еще и семантику пейоративного отчуждения [Там же, с. 65]. В этом, совмещающем тимиологическую и аксиологическую оценку, значении они и употребляются в качестве косвенно-производных средств объективации изучаемой тактики:

1) – Я же вам ясно, гражданин, сказала: начальника нет и сегодня не будет. Ходят тут всякие... (Н. Гейко. Под откос);

2) Сторож натывает на человека и останавливается.

– Как же ты сюда попал? – спрашивает он.

– Заблудился, человек хороший. Шел на Митриевскую мельницу и заблудился.

– Эва! Нешто тут дорога на Митриевскую мельницу? <...> Ты спяна-то лишних версты три сделал. Надо быть нализался в городе?

– Был грех, батюшка, был... <...> А как же мне теперь-то идти?

– А иди все прямо и прямо по этой аллее, пока в тупик не упруешься, а там сейчас бери влево и иди, покуда все кладбище пройдеши, до самой калитки <...>

– Дай бог здоровья, батюшка. Спаси, царица небесная, и помилуй. А то проводил бы, добрый человек! Будь милостив, проводи до калитки!

– Ну есть мне время! Иди сам!

– Будь милостив, заставь бога молить.

<...> Проводи, сударик!

– Да есть мне время провожаться! Ежели с каждым нянчиться, то так не напровожаешься (А. Чехов. Недоброе дело);

3) Спяну полез однажды скандалить с Даниловым Георгий Николаевич из двадцать пятого дома. – Да я таких! – шумел он. – Лезут всюду разные! С бородами! (В. Орлов. Альтист Данилов);

4) Так что когда какая-нибудь там Лахова, приезжая в Волгоград, говорит, что она меня редко видит, то самое малое, что я бы хотел ей сказать, так это то, что я хочу видеть ее еще реже (Ваша газета. 1999. 21 авг.).

Местоимение *этот* содержит в своем значении компонент дистанцирования и также используется говорящим в качестве своеобразного маркера пейоративного отчуждения:

– Кто тебя обидел? – Петров из пятого «б». – Ну я этому Петрову покажу, где раки зимуют (ЗЖР) (в данном случае ВД выполняет фатическую функцию).

Частица *там* с ее «основным местоименно-наречным обстоятельственным значением “не здесь”, “не теперь” (откуда далее “не в моем сознании)” – отсылает в другие локусы, в другие времена, в другие культуры и ценностные миры, куда от “я-здесь-теперь” можно перебраться только оценивающей мыслью» [5, с. 79]. А поскольку оценивающее сознание воспринимает «другое» как «чужое-плохое», то частица *там*

вполне закономерно превращается в знак пейоративного отчуждения:

– Я думаю, тебе нужно попросить у него прощенья.

– А мне все-равно, что ты там думаешь (ЗЖР).

Частица *тоже* как средство выражения субъектом речи иронично-неодобрительного отношения к какому-либо лицу встречается в именных (*Тоже (мне) герой!*) и глагольных (*Тоже (мне) придумал!*) конструкциях. В первых, по мнению Н.Ю. Шведовой, выражается отрицание у лица «того основного качества, которое должно быть присуще ему в соответствии с его названием», а во вторых «называемый глагольный признак оценивается иронически, осуждается, определяется как неполноценный, не дающий ожидаемого результата» [11, с. 172–173]*.

В практике социального взаимодействия названные конструкции используются субъектом речи в репликах-реакциях на некие ненормативные с его точки зрения действия коммуниканта:

– *Тоже мне мать называется! Дети без штанов по улице бегают, а она хоть бы что* (ЗЖР).

Адресуя данную фразу женщине, не уделяющей достаточно внимания детям, субъект речи исходит из стереотипного представления о том, какой должна быть настоящая мать. Понятно, что среди образующих это представление признаков забота о детях – один из доминантных. Поскольку, с точки зрения субъекта речи, женщина-реципиент в своем поведении названного признака не проявляет, то посредством конструкции *Тоже мне мать называется!* она фактически исключается им из числа лиц, имеющих право называться словом *мать*. В этом контексте частицу *тоже* можно рассматривать не только как средство выражения ироничного неодобрения, но и как маркер пейоративного отчуждения. Думается, что и в глагольных конструкциях, используемых субъектом речи для указания на несоответствие какого-либо действия коммуниканта эталону (например: *Тоже мне объяснил!*, *Тоже мне помог!* и др.), частица *тоже* выполняет аналогичные семантические функции.

Полагаем, что косвенным поруганием является и фактуальная квалификация лица, выражаемая посредством предикторирования ему признаков, имплицитующих негативную эмо-

* Аналогичное толкование значения частицы *тоже* в названных условиях представлено в малом академическом словаре русского языка [7, т. 4, с. 373].

циональную оценку его морально-волевых качеств, интеллектуального развития и пр. См., например, эпиграмму Демьяна Бедного на наркома просвещения А.В. Луначарского:

*Нарком стреляет рублики
И метит точно в цель.
Лохмотья дарит публике,
А бархат Розенель* (цит. по: [6, с. 53]).

В 1920-х гг. прошлого века в пьесе А.В. Луначарского «Лохмотья и бархат» блистала его гражданская жена, актриса Малого театра Наталья Розенель. Ходили слухи, что нарком тратил огромные средства на содержание своей гражданской жены, что он дарил ей даже драгоценности, принадлежащие царской семье [Там же]. В этой связи в газете «Правда» и появилась эпиграмма Демьяна Бедного, намекающая на аморальное поведение наркома.

См. также высказывание лидера ЛДПР В.В. Жириновского, которым он, рассказывая о своей частной жизни, не упустил возможности задеть своего «извечного» оппонента, лидера КППФ Г.А. Зюганова: *У меня дома десять тысяч книг. Пойдемте к Зюганову – у него только «Дед Мазай и зайцы»* (РТР. «Вести». 2007.18 нояб.).

Отдельно следует сказать о таких формах представления тактики поругания, как дразнилки и передразнивания. Дразнилка – это сатирическая миниатюра, всегда метрически организованная и обязательно рифмованная, встречающаяся преимущественно в детской речи [8, с. 672–673]. Дразнилки часто декламируются хором, сплоченной группой детей, преследующих свою жертву, что вполне согласуется с особенностями социальной психологии соответствующего возраста говорящих [Там же]. Объектом поругания чаще всего становится тот, кто нарушает установленные в детском коллективе нормы поведения. Не желающему чем-либо поделиться со своими сверстниками предназначается дразнилка *Жадина – говядина!*, не соблюдающему правила той или иной игры – *Жила долго не живет, заболел и умрет!* и т.д. Кроме этого, объектом поругания нередко выступает ребенок, который просто имеет заметные (и вызывающие негативное эмоциональное отношение у членов детского коллектива) физиологические (в том числе и национальные) особенности. Тому, кто имеет большую массу тела, адресуется дразнилка *Жиртрест-комбинат, промсосиска, лимонад!*, армянину (или похожему на него человеку) – *Армяшка – деревяшка!* и т.д. В последних случаях объект поруга-

ния фактически выступает в роли козла отпущения, на которого при помощи унижающих его дразнилок члены коллектива выплескивают накопившиеся в них отрицательные эмоции. И в первой, и во второй векторных проекциях реализуются дразнилки, основанные на языковой игре с именем объекта поругания: *Борис, председатель дохлых крыс!*, *Вовка – морковка!*, *Лешка – картошка!*, *Маши – простокваши!*, *Сергей – воробей!* и др. Семантическое содержание приведенных миниатюр абсурдно, и единственным основанием предсказания объекту поругания тех или иных имен является звуковая игра.

Отметим, что инвективные манипуляции с именем объекта поругания характерны не только для детей, ими пользуются и взрослые люди, что прежде всего свойственно участникам политического дискурса [4]. «Искаженные имена политических лидеров, – пишет Е.И. Шейгал, – содержат скрытую предикацию и имплицитно обвинительное суждение: Б. Натанович Президент (– Ельцин – сионист или действует по указке сионистов); Горбобельцин (– Ельцин ничуть не лучше Горбачева, оба они принесли народу только страдания). Пародирование имени может осуществляться за счет установления ассоциативных отношений по созвучию или общности корня с оценочным экспрессивом (Зорькин – Позорькин) или с распространенной бранной инвективой (ЧВС взорвался: «Ни козленков, ни козлов я не знаю и знать не хочу!...» [12, с. 135]) (в последнем примере представляется инвективное обыгрывание фамилии *Козленок*).

Отличительной особенностью дразнилок, как видим, является их ярко выраженная сигнальная двунаправленность: 1) посрамить адресата-агрессора и 2) вызвать насмешку у адресатов-наблюдателей, которая по замыслу субъекта речи должна усилить страдания инвектируемого. Это связано со стремлением субъекта речи в конфликтной ситуации общения привлечь на свою сторону адресатов-наблюдателей и тем самым усилить свою позицию, что, вероятно, и обуславливает активное употребление дразнилок представителями самых разных возрастных и социальных групп.

Передразнивание – «это воспроизводимая и устойчивая ответная реплика, которая употребляется в диалогической речи в качестве типизированной пародийной реакции говорящего на неуместное с его точки зрения речевое действие партнера по коммуникативному акту» [8, с. 673]. Как правило, говорящий под-

вергает передразниванию неуместные с его точки зрения вопросы: – *Где? – На бороде! – Кто? – Конь в пальто! – Куда? – На кудыкину гору! – Откуда? – От верблюда!* и др. Кроме того, часто передразниваются замечания с ключевыми словами *жалко, стыдно, неудобно* и др.: – *Тебе, наверно, жалко. – Жалко у пчелки. – Как тебе не стыдно?! – Стыдно, у кого видно. – Это же неудобно! – Неудобно на полке спать* и др. Встречаются также и передразнивания директив, и выглядят они как выражения мнимой, пародийной готовности говорящего следовать каким-либо (противоречащим его воле) призывам, требованиям, просьбам: ...– *Сейчас, только шнурки поглажу, ...– Всю жизнь мечтал* и др. [3; 8].

Косвенное поругание может быть объективировано и различными рогативными конструкциями, которые используются субъектом речи для выражения своего негативно-эмоционального отношения к оппоненту и которые не содержат пейоративных имен или глаголов, обозначающих его аморальные или противоправные действия:

1) *После обеда часов в шесть я пошел на бульвар: там была толпа; княгиня с княжеской сидели на скамье, окруженные молодежью, которая любезничала наперерыв. Я поместился в некотором расстоянии на другой лавке, остановил двух знакомых Д... офицеров и начал им что-то рассказывать; видно, было смешно, потому что они начали хохотать, как сумасшедшие. Любопытство привлекло ко мне некоторых из окружавших княжну; мало-помалу и все ее покинули и присоединились к моему кружку. <...>. Несколько раз княжна под ручку с матерью проходила мимо меня, сопровождаемая каким-то хромым старичком; несколько раз ее взгляд, упав на меня, выражал досаду, стараясь выразить равнодушие...*

– *Что он вам рассказывал? – спросила она у одного из молодых людей, возвратившихся к ней из вежливости: – Верно, очень занимательную историю – свои подвиги в сражениях?.. – Она сказала это довольно громко и, вероятно, с намерением кольнуть меня (М. Лермонтов. Герой нашего времени);*

2) *Президент Грузии, выступая перед телезрителями, вдруг начал жевать собственный галстук.*

Вот тут непонятно: неужели батона Мишико забыл вишить туда ампулу с ядом – на случай провала?! (Комсом. правда. 2008. 21–28 авг.).

Подобного рода конструкции (различные по своей тональности) широко представлены и в бытовой и институциональной сферах общения.

Косвенное поругание содержится и в не выражающих конкретно-коммуникативные смыслы изгнания и зложелания директивах, в том числе – и персональных запретах, которые используются субъектом речи (как правило, характеризующимся тем или иным статусным преимуществом) в качестве реплик-реакций на некие противоречащие его воле действия коммуниканта. Подобного рода директивы, включая и персональные запреты, в свою очередь могут воплощаться и в прямых (*Сколько можно развлекаться?! Займитесь делом!, Не вмешивайся в наши дела! Без тебя разберемся!*), и в косвенно-производных формах (*Что за шум после отбоя? Не пора ли угомониться?!, Я бы не советовал тебе разговаривать со мной в таком тоне. Я старше тебя и по возрасту, и по званию*). Степень косвенности поругания в данных случаях, вероятно, прямо пропорциональна степени косвенности директивных актов, используемых говорящим в конфликтных ситуациях общения в качестве реплик-реакций на противоречащее его воле поведение реципиента.

Итак, косвенные формы объективации тактики поругания включают в себя высказываемые субъектом речи вопросительные предложения (*Ты дурак?*), представляющие собой продукты трансформации выражающих посредством пейоративов оценочную нефактуальную квалификацию лица утвердительных предложений (*Ты дурак*). Сюда также относятся:

1) утвердительные предложения, в которых оценочная нефактуальная квалификация лица выражается посредством сравнительной конструкции (*ты ведешь себя как дурак*) или речевых структур с обобщающим значением (*так ведут себя дураки, все дураки так поступают*);

2) различные по своей синтаксической организации предложения, в которых оценочная нефактуальная квалификация лица выражается посредством:

– предцирования ему нейтральных в оценочном отношении имен или мелиоративов, способных в конфликтной ситуации общения выполнять инвективную функцию,

– использования его имени собственного во множественном числе в функции нарицательного или употребления местоимений *всякий, каждый, разный, какой-нибудь, тот*, частицы *там* и некоторых других языковых еди-

ниц в качестве маркеров пейоративного отчуждения;

3) утвердительные предложения, в которых фактуальная квалификация лица выражается посредством предицирования ему признаков, имплицитующих негативную эмоциональную оценку его морально-волевых качеств, интеллектуального развития и пр. (*У меня дома десять тысяч книг.<...>... у него только «Дед Мазай и зайцы»*).

К косвенным формам объективации изучаемой тактики причисляем также дразнилки, передразнивания и различные рогативные конструкции, которыми субъект речи выражает свое негативное эмоциональное отношение к поведению оппонента и которые не содержат пейоративных имен или глаголов, обозначающих его аморальные или противоправные действия.

Считаем, что косвенное поругание содержится и в директивах, в том числе и в персональных запретах, которые используются субъектом речи в конфликтной ситуации общения в качестве реплик-реакций на некие противоречащие его воле действия реципиента.

Литература

1. Апресян Р.Г. Сила и насилие слова // Человек. 1997. № 5. С. 133–137.
2. Деметьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопр. языкознания. 1999. № 1. С. 37–55.
3. Каган М.С. Эстетика как философская наука. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.
4. Какорина Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М.: Яз. рус. культуры, 1996. С. 409–426.
5. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Структурная лингвистика. 1985 – 1987. М.: Наука, 1989. С. 54–82.
6. Политические эпиграммы. Российская история за последние 300 лет в политических эпиграммах, частушках и сатирических стихах (17–20 вв.) / сост., автор предисл. и прим. С. Белов. М., 2007.
7. Словарь русского языка : в 4 т. М.: Рус. яз., 1981–1984.
8. Химик В.В. Русская разговорная речь: осмеяние объекта // Грани слова : сб. науч. ст., посвящ. 65-летию проф. В.И. Мокиенко. М.: ЭЛПИС, 2005. С. 670–677.
9. Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры) : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009.
10. Чесноков И.И. Дискурсивная тактика поругания: прямые формы объективации // Филол. науки. 2011. № 5. С. 76–85.

11. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса : моногр. / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград : Перемена, 2000.

* * *

1. Apresyan R.G. Sila i nasilie slova // Chelovek. 1997. № 5. S. 133–137.

2. Dementev V.V. Fatcheskie rechevyye zhanry // Voпр. yazykoznaneya. 1999. № 1. S. 37–55.

3. Kagan M.S. Estetika kak filosofskaya nauka. SPb. : TOO TK «Petropolis», 1997.

4. Kakorina E.V. Stilisticheskiy oblik oppozitsionnoy pressyi // Russkiy yazyik kontsa HH stoletiya (1985 – 1995). M. : Yaz. rus. kulturyi, 1996. S. 409–426.

5. Penkovskiy A.B. O semanticheskoy kategorii «chuzhdosti» v russkom yazyike // Strukturnaya lingvistika. 1985 – 1987. M. : Nauka, 1989. S. 54–82.

6. Politicheskie epigrammy. Rossiyskaya istoriya za poslednie 300 let v politicheskikh epigrammah, chastushkah i satiricheskikh stihah (17–20 vv.) / sost., avtor predisl. i prim. S. Belov. M., 2007.

7. Slovar russkogo yazyika : v 4 t. M. : Rus. yaz., 1981–1984.

8. Himik V.V. Russkaya razgovornaya rech: osmeyanie ob'ekta // Grani slova : sb. nauch. st., posvyasch. 65-letiyu prof. V.I. Mokienko. M. : ELPIS, 2005. S. 670–677.

9. Chesnokov I.I. Mest kak emotsionalnyiy povedencheskiy kontsept (opyit kognitivno-kommunikativnogo opisaniya v kontekste russkoy lingvokulturyi) : dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2009

10. Chesnokov I.I. Diskursivnaya taktika poruganiya: pryamyie formy ob'ektivatsii // Filol. nauki. 2011. № 5. S. 76–85.

11. Shvedova N.Yu. Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi. M. : Izd-vo AN SSSR, 1960.

12. Sheygal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa : monogr. / In-t yazykoznaneya RAN; Volgogr. gos. ped. un-t. Volgograd : Peremena, 2000.

The discursive tactic of desecration: indirect forms of presentation

There is described the desecration tactic as a structural component of vindictive discourse. Indirect forms of the above mentioned tactic presentation, which make it possible for a speaker to cause moral damage to an addressee-aggressor formally keeping ethical (and in certain cases – legal) norms of communication, get enlightenment.

Key words: *vindictive discourse, tactic of desecration, indirect forms of presentation, pejorative, meliorative.*

(Статья поступила в редакцию 20.06.2014)